

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

О КНИГЕ К. Р. ПОППЕРА «ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО ВРАГИ»^{*}

опубликовано: Альтернативы 2007, № 2, с. 170-176.

170

1. Рассматриваемая работа Поппера претендует на историко-философскую реконструкцию некоего интеллектуального течения или, скорее, интеллектуальной традиции в истории европейской мысли. Он реконструирует развитие идеи *историцизма*, и эта реконструкция, как заявлено во «Введении», необходима ему, чтобы опровергнуть историцизм и, таким образом, принять посильное участие в современной идеологической борьбе.

Историцизм, по Попперу, это некая вполне определенная система взглядов на исторический процесс и вытекающая из них политическая идеология. Примерами историцистской идеологии для него являются гитлеризм и его кратковременный военный союзник сталинизм (1., с.7). Теоретическая разработка этого понятия проведена Поппером в работе «Нищета историцизма» (3). Историцизм, на взгляд Поппера, ошибочен, а любые основанные на нем идеологии - бесчеловечны. Сама поставленная автором книги задача – реконструировать историю развития этой системы взглядов на материале философских произведений прошлого – предполагает обращение к истории философии. Так что «Открытое общество и его враги» становится историко-философским исследованием (хотя ее содержание, конечно, выходит за рамки историко-философской проблематики). Насколько же заслуживают внимание проведенные автором исследования взглядов известных философов прошлого? *Цель данной заметки* – рассмотреть возможность использования книги «Открытое общество и его враги» как историко-философского сочинения. Для этого надо понять, каким образом, с применением какой исследовательской историко-философской методики была написана эта книга.

^{*} Эти заметки были написаны при чтении обсуждаемой книги К. Р. Поппера еще до моего знакомства с книгой А. В. Бузгалина «Анти-Поппер»: социальное освобождение и его друзья (М.: УРСС, 2004; также: Бузгалин А. В. Социальное освобождение и его друзья («Анти-Поппер») // Экономика-философские тетради. Вып. 1. М., 2003. С. 25-81). В этих работах развёрнута

2. Поппер открыто декларирует свою приверженность «открытому обществу». «Открытое общество» он определяет как «общество, в котором индивидуумы вынуждены принимать личные решения» (1, с.218). Само понятие «Открытое общество» ввел в широкий оборот немного ранее Анри Бергсон. Противостояние «открытого общества», возникшего в Древней Греции, и «закрытого общества» рассматривается как один из основных процессов в истории европейского общества. Соответственно, история социальной мысли и философии вообще сводится, в первом приближении, к противостоянию этих двух социально-философских и политических концепций. Закрытое общество - это «магическое, племенное или коллективистское общество» (1, с.218). «Открытое общество» родилось в недрах «закрытого общества» и исторически побеждает его. Но после краха «закрытого общества» получилось так, что «не желая помочь человечеству на его трудном пути в неизвестное будущее, которое люди должны создать для самих себя, некоторые из «образованных» пытались вернуть общество назад в прошлое. Неспособные проложить новый путь, они смогли стать только лидерами вечного бунта против свободы... они были (если использовать выражение Сократа) мизантропами и мисологами – людьми, не способными на простое и обычное благородство, вселяющее веру в человека, в человеческий разум и свободу» (1, с. 234).

Никто из тех, кто выбран Поппером в качестве оппонентов (Гераклит, Платон, Аристотель, Гегель, Маркс) *не* использовал эту категориальную оппозицию и не декларировал свою приверженность к закрытому обществу. Поппер вынужден произвольно (интуитивно) включать различных мыслителей в свою типологию, и при этом, видимо, он исходит из того, что, в конечном счете, «открытое общество» постепенно побеждает (2, с.485) и это закономерно, поскольку существует прогресс и люди вечно стремятся к свободе. Такую предпосылку его понимания истории мысли можно было бы назвать *слабым историцизмом*. Силы социального освобождения (как понимает их Поппер) постепенно берут верх над «врагами свободы», и в *конечном счёте* победят их. Это естественное стремление одних людей к свободе и борьба других с этим стремлением образуют основной сюжет интеллектуальной истории. Представление Поппера

подробная критика аксиологических и гносеологических оснований социального учения Поппера. Данные «заметки» можно рассматривать как примечание к этим работам А. Бузгалина.

о «свободе» это классическое либеральное представление о свободе как возможности соблюдать обязанности перед законом и пользоваться законодательно введенными правами (восходящая к известнейшей статье Канта «Что такое Просвещение?», высоко оцениваемой самим Поппером). Можно заметить, что это представление *неисторично* (например, Маркс понимал «свободу» иначе, следует ли считать, что он понимал ее неправильно?) и откровенно *идеологично*. И сам Поппер открыто провозглашает свою приверженность определенной идеологии.

3. Для Поппера характерна связь логики и этики. *Идея «открытого общества»*

1) *этически оправдана* (т.к. реализует кардинальную ценность свободы),
2) *логически обоснована* (исходя из фаллибилистской логики самого Карла Поппера.). Напротив, взгляды представителей или «сторонников» «закрытого общества» 1) *этически неприемлемы*, 2) *логически ошибочны*. Сама по себе эта связь логической и

172

этической обоснованности, заставляющая вспомнить Сократа, никак не обоснована. Но это – очевидная интуитивная предпосылка всего исследования. Может быть, дело в том, что Поппер – *джентльмен*; для него те, кто не стремятся к истине – аморальны, а стремиться к истине можно только научным методом, причем лучше всего – именно так, как стремился к ней сам Поппер (действительно великий методолог науки). Подлинная же наука возможна только в «открытом обществе», потому что только там действительно ценят истину и свободный ее поиск.

3. Каждый из рассматриваемых и осуждаемых мыслителей пришел к тем или иным социальным взглядам по собственным причинам, т.е. в результате некоторого собственного индивидуального развития. Поппер использует *два основных способа объяснения* их взглядов. Во-первых, он объясняет их взгляды присущей этим людям *порочностью*, т.е. *вульгарно-психологически*. Под «порочностью» подразумевается ненависть к свободе, стремление обмануть людей «лжепророчествами» и т.п. Этот анализ дополняется простыми социологическими объяснениями происхождения их взглядов как рессентимента, т.е. стремления построить такую модель будущего (либо – возможного, что ни одно и то же) общества, которое не будет иметь отрицательных проявлений господствующего социального режима, с

последующим «пророчествованием» о будущем установлении такого общества. Поэтому вместо отстаиваемых Поппером рациональных социально-инженерных действий разрабатывается способ остановить вообще любые изменения в обществе, скачкообразно перебросив его в оптимальное состояние (каковое, по Попперу, абсолютно невозможно). Так, Платон пришел к своей теории идеального государства, поскольку ненавидел мерзости, обусловленные демократическим режимом управления Афинами. Поэтому он «от противного» создал идею тоталитаризма. Маркс стремился помочь страдающим рабочим, и придумал (вообразил) общество без разделения на сильных и слабых. При этом остается не понятно, почему авторы, пытаясь найти решение этих проблем, пришли *именно* к историцистскими взглядам, а не, например, к индивидуализму, близкому позиции самого Поппера. Его, видимо, интересует только картина конечного результата их поисков, а не сами эти поиски; генезис философских концепций – второстепенный вопрос для Поппера. Это надо считать проявлением его *позитивизма*.

Особенно Поппер пристрастен и несправедлив к *Гегелю*. Его обличение доходит до курьеза: для доказательства того, что мнения и способ рассуждений Гегеля «без сомнения, имеет патологическую природу» (2, с. 55), цитируется Шопенгауэр, оцениваемый Поппером как «идеалист платоновского типа и консерватор, если не реакционер, но зато человек высочайшей честности» (2, с. 42 и далее) – *однако именно по отношению к Гегелю Шопенгауэр был настроен с крайним предубеждением, что хорошо известно историкам философии, и это видно из многих упоминаний Гегеля у Шопенгауэра (см., например, развернутую цитату во Втором томе (2., с.93))*.

173

4. Однако относительно большинства рассматриваемых концепций Поппер признает, что они были действительно злободневными попытками решения проблем обустройства общества. Эти решения не были и не могли быть удачны, поскольку в своих рассуждениях авторы допустили серьезные *логические ошибки*. Поэтому он *с позиций методологического индивидуализма* опровергает их. Для этого Поппер реконструирует отдельные взгляды своих оппонентов.

В этой реконструкции он подходит к данным авторам, *уже заранее зная*, что они – историцисты, и, следовательно, к ним применимы общие принципы критики историцизма. При этом Поппер нарушает *важнейший*

(герменевтический) принцип историко-философских реконструкций: философские представления какого-либо автора должны быть объяснены как сложная (конкретная) целостность, внутри которой из некоторых авторских предпосылок, согласно авторской интенции (выраженной в поставленных автором проблемах и избранной методологии их решения) выводятся содержательные положения. Только именно в рамках такой целостности любые выявленные исследователем противоречия могут быть продемонстрированы именно как противоречия, т.е. не согласование между разными взглядами (содержательными положениями) одного автора. А показать противоречивость какого-либо утверждения в данном случае и означает – опровергнуть его.

Отказываясь от такой реконструкции, Поппер выявляет только противоречия между своими (предположительно, истинными) утверждениями, и положениями отдельного автора. Это доказывает только то, что Поппер и данный автор по-разному решают одни и те же проблемы (т.е. доказывается только лишь само наличие противоречий). Важнее то, что Поппер вынужден реконструировать некоторые утверждения, к которым, как ему кажется, можно свести взгляды данных авторов. Эти положения выражены в современном наукообразном виде: это логически прозрачные общие высказывания, иногда сводимые к пропозициям. Поппер полагает, что философские концепции имеют ту же структуру, что и научные концепции, поэтому, будучи методологическим индивидуалистом, разлагает их на совокупность сравнительно автономных утверждений (пропозиций), которые можно критиковать последовательно (причем последовательность разборов и опровержений выстраивается произвольно, т.е. вообще согласно законам поэтики попперовского текста, а не согласно какому-либо плану, изоморфному внутренней структуре данной «теории»; можно сравнить порядок разбора Платона и Маркса). Но речь идет не о научных концепциях: никто из данных авторов не декларировал своей «научности» - кроме Маркса; но и Маркс не принадлежал к традиции позитивистской философии, и понимал «науку», видимо, иначе, чем понимают ее философы науки XX в. Поэтому применение методики анализа научного текста к текстам философским кажется требующим серьезного обоснования. Оно кажется некорректным. «Реконструировав» некие утверждения, Поппер их опровергает с использованием собственного

логического аппарата и техники рассуждения. Однако при этом он показывает опять-таки не то, что взгляды данного автора некорректны, а только то, что данный тезис может быть опровергнут. При этом не всегда явно обозначается само противоречие: у Поппера этот «выделенный» и анализируемый тезис противоречит не другому тезису в рамках системы взглядов данного автора (что показало бы противоречивость и некорректность всей авторской конструкции), а некому контртезису самого Поппера, выстроенному с использованием его логической техники рассуждения, как бы усиленной не критичным употреблением эмпирических примеров. Что, опять же, ничего не доказывает относительно самих тестов.

Действительно, в концепциях и обосновывающих эти концепции рассуждениях разных авторов обнаруживаются противоречия. Однако они должны быть обнаружены *герменевтически*. Для этого, вероятно, необходимо эксплицировать *все* авторские положения, образующие концептуальное *единство*, а затем строго проследить их взаимодействие. Таким образом может быть выявлено «действительное» *противоречие автора самому себе*. Это противоречие должно быть обнаружено и понято в рамках системы взглядов автора. Поппер же вводит вторую рамку – собственное мировоззрение, а затем, выборочно взяв некое приписываемое автору утверждение, показывает его противоречие своей системе взглядов (в разной мере отождествляемой им с современной наукой). Такой анализ уже относится к взглядам самого Поппера, а не данного автора.

5. Методологический прием, применяемый в данном случае Поппером, состоит в обнаружении некоторого основного закона, выведенного тем или иным мыслителем спекулятивно (а значит – историцистски!). Это – закон, который якобы управляет развитием общества. Так, например, (пишет Поппер), Гераклит исходит из того, что все в мире меняется (известное *panta rei*); Платон – из фундаментального исторического закона, согласно которому “всякое социальное изменение есть *гниение, распад и вырождение*”(1., с.50; курсив Поппера). Аристотель (он для Поппера – не более чем скучный систематизатор) – из исторического оптимизма, который был его собственной новацией, вкладом в развитие традиции историцизма (2., с.11). Маркс – из (хорошо известного марксистам и часто оспариваемого) закона «*абсолютного и относительного обнищания рабочего класса*» (1, с.13, курсив Поппера). И т.д.

Поппер выявляет некое законоподобное утверждение, затем заявляет, что его можно считать наиболее важным утверждением из рассматриваемой философской концепции. Далее он приходит к тому, что данное утверждение не только логически некорректно, но и социологически не верно, поскольку, например, в случае с Марксом, можно наблюдать улучшения жизненного уровня рабочих в капиталистических западных странах, наиболее похожих на «открытое общество» (можно заметить, что иногда в риторических отступлениях или в обращениях к читателям Поппер проговаривает, что это-то и есть «открытые общества»).

175

Конечно, здесь возникает действительно серьезная проблема применимости эмпирических наблюдений для доказательства или опровержения тех или иных философских позиций. Очевидно, что Маркс использовал современную ему статистику и приводил в «Капитале» обширный фактический материал. Поппер же основывается на неких общих жизненных наблюдениях (см., особенно, его «Письмо моим русским читателям» (1., с.7-16)). Однако для всякого читателя «Капитала» очевидно, для Маркса эта «фактология» – вспомогательное средство, позволяющее выдвигать гипотезы, и затем проверять некоторые уже спекулятивно обнаруженные им социальные закономерности и явления. А Поппер может указать только, что между данной концепцией и известными ему лично фактами трудно найти соответствие, что может потребовать перепроверки гипотезы или фактов, но не ее отвержения (скажем, Поппер может «просто не знать того, что знал уже Маркс», и т.д.).

6. Фактически, текст «Открытое общество и его враги» является пространной иллюстрацией методологического исследования «Ницета историцизма» (3), в котором историцизм рассматривается как логическая конструкция, предназначенная для интерпретации и объяснения социальных исторических процессов. Более того, историцизм есть мировоззрение; можно сказать, что это - *политическая онтология*. Как идеальная конструкция, он может иметь эмпирические подтверждения адекватности, но может их не иметь. В «Ницете историцизма» Поппер последовательно и четко реконструирует, а затем деконструирует его именно как идеальную конструкцию. В работе «Открытое общество и его враги» он натурализует и, таким образом, историзирует логическую конструкцию, представляя ее как идеологию, исторически

преемственную систему взглядов. При этом он фактически должен показать преемственность и соответствие между взглядами рассматриваемых автором (из которых никто не называл себя историцистом, и все они пользовались различными методами и различной эмпирической базой). Для этого из концепций оппонентов устраняется их имманентное развитие через противоречия. Это – законченные картинки, которые он рассматривает, для удобства разбивая на отдельные фрагменты.

И в этом проявляется, естественно, политическая ангажированность самого Поппера. Эта книга, как это давно было замечено в ортодоксальной советской философии, прежде всего направлена против советского «коммунизма» и «социализма». И представляет собой образец идеологического текста. Иллюстрируя собственной деятельностью марксистскую теорию идеологии как «ложного сознания», Поппер не рефлектирует собственную позицию; он как бы выступает *с позиции универсального здравого смысла*, вооруженного достижениями европейской науки и пропозициональной логикой; ценности оппонентов очевидно определены их приверженностью к историцизму, а Поппер – *джентльмен* (как было сказано выше), и полагает, что любой порядочный человек, несомненно, мыслит так же как он и имеет подобную этику. Не обсуждая очевидную личную честность и последовательность

176

господина Карла Поппера, можно указать, что «открытое общество и его враги» – просто яркий (классический) пример западной либеральной идеологии. Поппер отказывается *понимать* своих оппонентов; он для него – частные примеры оспариваемой системы взглядов, а не самостоятельные полнокровные мыслители.

7. Таким образом, надо признать, что «Открытое общество и его враги» не является корректным историко-философским исследованием. Можно сказать, что это – приложение к методологическому труду «Нищета историцизма». Поэтому она представляет преимущественно логический интерес, и система логической аргументации, схемы рассуждений при чтении должны быть последовательно отслоены от предлагаемых реконструкций. Эта книга – не историко-философская работа, а скорее риторическая: это подробный разбор «доказательств и опровержений» различных утверждений, содержащий в себе

массу любопытных, но разрозненных исторических наблюдений, и не более того.

Источники:

1. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.1: Чары Платона. М.: Феникс, международный фонд «Культурная инициатива», 1992.
2. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Феникс, международный фонд «Культурная инициатива», 1992.
3. Поппер К. Нищета историцизма. М.: Путь, 1993.